

В.Э. Туренко, канд.филос.н., м.н.с. философского факультета
КНУ имени Тараса Шевченко

К ВОПРОСУ О КОНЕЧНОСТИ ДИСКУРСА ЛЮБВИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье на основе современных анализируется вопрос о конечности дискурса любви. Автор выводит две основные причины возможности конечности дискурса любви, детально рассматривается философский контекст протекания и последствий конца любовного дискурса. Вместе с тем подчеркивается, что конечность имеет только дискурс, тогда как сама любовь онтологически бесконечна.

Ключевые слова: любовь, человек, жизнь, конечность, бесконечность.

*«Как кончается любовь? —
А что, разве она кончается?»
Р. Барт*

Есть такие проблемы и вопросы в философии любви, о которых есть желание написать, поразмыслить, исследовать уже, когда на волосах седина, а ты уже весеннего возраста и уже ходишь не на своих двух, а уже «трех ногах». Эти проблемы не сказать, что неудобные, глупые, безумные — нет! В философии любви, пожалуй, таковых нет, потому, что она напрямую связана с жизнью каждого из нас, повседневным опытом человека. Эти проблемы, слишком сложны, чтобы о них думать в молодом возрасте. Одной из них касается того как и почему «оканчивается любовь», точнее сказать ее дискурс?

Научные работы ряда отечественных и зарубежных исследователей А. Грякалова, О. Зубец, Г. Иванченко, В. Малахова, Ф. Нембрини, П. Неласа, М. Ползуновой, А. Руденко, К. Чекалова, Е. Шапинской, М. Эпштейна и других стали для нас теоретической базой. Однако следует констатировать факт об отсутствии у них целостного исследования посвященного конечности дискурса любви.

Следовательно, **целью** нашей работы — попытаться ответить на основные вопросы связанные с проблемой конечности дискурса любви.

Поставленная цель предполагает решения следующих **вопросов**:

- 1) Почему дискурс любви заканчивается, каковы его причины?
- 2) Каким образом оканчивается дискурс любви?

Прежде чем перейти к рассмотрению причин, протекания и последствий конца дискурса любви, на наш взгляд, уместно будет дать вообще определение дискурсу любви.

Известная русская исследовательница философии любви Е. Шапинская в докторской диссертации на тему «Отношение любви как социокультурная универсалия и его актуализация в литературном дискурсе» отмечает, что «Выделение дискурса любви как объекта исследования обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, отношение любви в европейской культуре является семантически наполненным и может включать в себя аспекты других межличностных отношений, от дружбы до ненависти, что отражено в ряде языков, где существуют обозначения для различных типов любви. Во-вторых, из всех видов социальных отношений отношение любви обладает наиболее сильным синергетическим полем, так как оно предполагает не только рациональную оценку людьми личностных качеств друг друга, но и предельно интенсивную эмоциональную тягу по крайней мере одного из участников отношения к другому. Поэтому в любви многие моменты манифестируются гораздо ярче и выразительнее, чем в других межличностных отношениях. Привязанность, характерная для дружбы или для родственных отношений, в любви выражена в крайней степени, в результате чего «социальность» любовного отношения приобретает» [14]

Таким образом, дискурс любви для филологии — это художественное произведение, в котором любовный дискурс персонажей и/или автора релевантен для понимания идейного

содержания. Итак, очевидно, что дискурс любви мы обнаруживаем не только (и не в первую очередь) в любовных романах, где на уровне фабулы раскрывается тема любви, а в тех произведениях художественной литературы, где имеет место рефлектирующий влюбленный, и внимание писателя центрируется на речи героя. При этом речь может принимать форму не только монологов и диалогов, но и внутренней речи, не собственно прямой речи и т.д. [11, с. 130] Для культуры, философии постмодерна, дискурс любви, как подчеркивает А. Руденко: «тесно связан с дискурсом сексуальности, а понятие любви заменяется понятием «любовная афера» или «либертинаж» [12]. Следовательно, «в актуализированном современностью любовном дискурсе формируется особого рода этос. Безличное (псевдо)божество эроса проникает всюду — человеческому состоянию задаются предельные параметры интенсивности проживания. Не в силах удержать собственную целостность ослепленный и замороженный человек оказывается подверженным магии чрезмерности и порождает магически чрезмерные представления о реальности» [2, с.295]

Мы же отталкиваемся от мысли Д. Чекалова, что дискурс любви — явление не XX века, не XXI века, а таковое, что всегда было в истории человечества, дискурс любви — это дискурс любящих в античности, дискурс любящих в Новое время, дискурс любящих в наше время [См.: 13, с. 27]. Дискурс любви наполнен многими ситуациями, чувствами, эмоциями в жизни людей, но иногда все же он может заканчиваться. И логически возникает вопрос...

Почему происходит конец дискурса любви?

Сама возможность конечности дискурса любви связана с тем, что, по мнению Р. Барта, «история эта (любви — В.Т.) уже совершилась; ибо событийного в ней только одно восхищение, чьим предметом я стал, а ныне с запозданием (и тщетно) повторяю его вновь и вновь. Влюбиться — это драма, если вернуть этому слову архаическое значение, которое дает ему Ницше: «Античная драма означала большие декламационные сцены, и этим исключалось действие (какое происходило до сцены или за сценой)». Любовное похищение (момент чистого гипноза) происходит до речи и за просцениумом сознания; любовное «событие» носит иератический характер — это мое собственное, местное предание, моя маленькая священная история, которую я декламирую сам себе, и такое декламирование свершившегося (застывшего, забальзамированного, оторванного от всякого делания) факта — и есть любовная речь» [1, с.142].

Следовательно, для французского философа конечность дискурса любви выступает как его атрибут. Начиная ту или иную историю любви, человек осознает, что может быть — все внезапно окончится, хотя, конечно, нельзя не согласиться с мыслью современного итальянского мыслителя Ф. Нембрини: «представьте, что девушка или молодой человек (скорее, это может произойти с молодым человеком), скажет вам: «Я буду любить тебя ровно сто два года...», — вы обидитесь, это вызовет ваш гнев. Потому, что такое утверждение противоречит самой природе любви, любовь не может ставить себе пределы, нельзя сказать: «я уже все в тебе любил, я уже достаточно долго тебя любил». Такого не может быть: любовь по своей природе сильнее времени, потому что устремлена в бесконечность; она вечна, как божественный порыв, которым движется Земля и все вещи» [9, с 168].

Впрочем, что же все-таки служит поводом, причиной для того, что чувства наши к любимой личности «охладели», доверие уменьшилось и т.д. Ответов может быть миллионы, ведь, по слову М. Эпштейна, «любовь поворачивается к каждому из нас по-особому» [15, с.96]. И нет никаких одинаковых историй любви, похожих пережитых чувств в том или другом человеке. Это касается и конечности любви — вариантов может быть бесчисленное множество. Но все же, на наш взгляд, стоит выделить две основные причины, которые формируют все остальные.

1) Индивидуальная

Как справедливо замечает и мудро вопрошает русский мыслитель М. Эпштейн: «разве любовь — разъемная книжка, разве можно разжать ее листы, вынуть одно, вставить другое? Даже если это любовь щедрая, необидчивая, легко прощающая, масса вырванных страниц постепенно накапливается и может перевесить массу оставшихся в заветной книге. Они, отложенные, в ящик горькой, тревожной памяти, срastaются в отдельную историю той же

любви. Или другой любви? А может быть, уже и нелюбви? Может быть, это была история мучений? Или даже мучительства? Взаимных терзаний или односторонних жертв? И не пора ли вывести крупными буквами, пусть и дрожащим почерком: КОНЕЦ? Неужели конец? Да разве я смогу (без тебя – В.Т.)? А ты сможешь (без меня – В.Т.)? А мы сможем друг без друга? Нет, надо перелистать назад и найти ту страницу, откуда начались ошибки, которые стали множиться» [6, с.83–84]

В этой связи ошибки в дискурсе любви, которые приводят к его концу, русская исследовательница феномена любви Г. Иванченко именуется как «непоправимость».

«Непоправимость – это какой-то факт, событие, эпизод, который ставит под сомнение продолжение отношений между любящими людьми. Отношения, как бы бережно или как бы небрежно к ним относиться, могут выйти за пределы приемлемых для той или иной стороны, причем скорее непоправимо, чем необратимо. Само слово «непоправимость» одного корня с «править». Но и момент выяснения кто прав. Поправимость подразумевает возможность «исправить» не только как вычеркнуть, вырвать, выбросить, (простить – В.Т.) из памяти (здесь ты никогда не уверен, что другая сторона делает то же самое, двигается в том же направлении...), но и – совместными усилиями подправить, по-новому расставить акценты» [6, с.84].

Но все же этой поправимости наступает конец. Ведь, в одной песни поется «мы не склеим разбитую чашку любви, мы не выпьем из лопнувшей рюмки сто грамм». Когда невозможность «склеится» очевидна уже для обоих участников дискурса любви – непоправимость становится «необратимостью», тогда «уходя - уходи» становится. Это сравнимо с детской игрой «когда, как пишет Г. Иванченко, спрятанный предмет близок, ведущий приговаривает «тепло, теплее, горячо...», а здесь, наоборот – «холодно, холоднее, отлично, совсем холодно!». Необратимость парадоксальным образом предполагает происшедшее обращение: в горячую веру, в холодную любовь, в пламенную ненависть» [6, с.84]

Индивидуальная причина конечности дискурса в любви также в том, что мы не вынесли весь «труд любви», что мы что-то не вытерпели, что-то не простили (из того, что можно действительно вытерпеть, простить, а не потакать). Ведь любовь, как пишет известный русский философ В. Розин – это не царская дорога, это проверка на испытание. Еще один момент причины конечности дискурса любви – это то, что мы не встречаем «свое».

2) Социальная

Социальная причина разлук, конечности дискурса любви связана, прежде всего, с романтической культурой любви. Отношения любви, связаны часто с противостоянием обществу, окружающей среде любящих, вплоть до родных, близких и друзей. Зачастую, «любовь (дискурс любящих), по мнению О.Зубец, сама себе неизбежно воздвигает себе преграды. Вернее, порождаемый ею выход за рамки существующей ценностно-нормативной системы означает возникновение преград особого рода. В качестве преграды выступает не то или иное событие, факт, отдельная форма или ценность, а вся ценностно-нормативная система, хотя проявляться это трагическое отношение может и в виде отдельных проблем сложностей» [4, с. 5]. Уточняя мысль русской исследовательницы, можно сказать, что в основе социальной причины конечности дискурса любви – конфликт вненормативности, антинормативности и нормативного сознания, конфликт «абсолютности» господствующих ценностей и их относительности в рамках дискурса любви.

Возможность конечности дискурса любви отображает трагическую сторону и вообще трагичность любви как таковой. Ведь как пишет Ж. Батай: «у любви есть такая дилемма – либо уходит любовь, либо уходит любящий».

Г. Иванченко в книге «Космос любви» сравнивает «концы любви» и находит их причины (на наш взгляд, все же стоит говорить о «концах дискурса любви») в связи с теми или иными стихиями. Особенно удачными, на наш взгляд, есть параллели со стихиями огня, воздуха и воды.

Так, любовь испокон ассоциируется, в первую очередь, с огнем («Большие воды не могу потушить любви» [Песнь Песней 8, 7]) и поэтому «малейшей оплошности достаточно чтобы – иногда непоправимо – нарушить жизнь огня, «мерами возгорающегося и мерами угасающего» (Гераклит). Древняя мудрость об этом, разумеется, знала: «Может ли кто

взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим углям, чтобы не обжечь ног своих?» [Притч. 6 27–28]. Или еще «Приближающийся ко мне приближается к огню, но уходящий от меня недостоин жизни». По чутки для вечной жизни любви ей необходим переход от безмерности к «мерному» существованию ее огня» [5, с.48–49].

Следовательно, в труде любви нужно быть очень осторожным, «не досмотришь» — сгорит она; «пересмотришь, переусердствуешь» — сам соришь. Нужна «золотая середина» в отношениях с любимой личностью. Если нет осторожности, предусмотрительности — «есть все шансы» окончить дискурс любви.

Воздух связан со свободой. Отнимите воздух у человека, и он умрет, также и свободу у любящего вас, и он уйдет от вас. Недаром ведь поется сейчас во многих песнях: «дышу одной тобой...». И если мы отнимем свободу у любящего нас, то вполне возможно, что произойдет конец дискурса любви. Ведь любовь (*как и воздух — В.Т.*), как подчеркивает современный греческий мыслитель П. Нелас, побеждает все преграды, выводя человека на свободу — где уже нет никаких ограничений, кроме границы, что возлагается сущностью самой любви. Любовь и есть точный смысл и истинное проявление свободы, которая будучи полной гармонией личности с Богом, миром и людьми, на практике противоположна индивидуальной зависимости. Свобода как человеческое свойство тождественна любви. Поэтому свобода не восстает против закона, а уважает его с любовью, она расширяет его к любви, преобразует выяснением смысла его границ. Нравственное измерение свободы задается узами любви [10, с.87].

С концом любви, по мнению Г. Иванченко, также связан образ воды, а точнее такие его состояния как лед и пар [5, с.51]. «Охлажденность любви» (См. Мф. 24, 12), о котором говорит Христос в Евангелии как раз свидетельствует о ледяном состоянии любви. Отчего происходит, что «река любви» по которой плывут любящие становится ледяной?... Любящие останавливаются и не могут шелохнуться, потому, что обоих стискивают взаимные обвинения, оскорбления, непонимания, обманы, все те «беззакония», от которых и охлаждаются наши некогда горячие чувства к любимой личности. Пар — как состояние конца любви символизирует, что отношения, которые были между любящими превратились в ничто. Они остались просто памятью в сердце и душе, «паром», который вроде бы видно, но уже никакого плода фактически не приносит. Пар — как образ конечности дискурса любви, пожалуй наиболее удачный скорее для понимания ситуации «после дискурса любви». Да, было, да, чувствовали, но ничего от этого не осталось.

Как заканчивается дискурс любви?

Любой момент дискурса любви, ее начала, и конец имеет свои особенности протекания. Особенное внимание обращает на себя размышление о конце французский мыслитель Р. Барт.

«Как кончается любовь? — А что, разве она кончается? В общем-то, никто — кроме других — об этом никогда ничего не знает; своего рода невинность маскирует конец этой истории, которая мыслилась, утверждалась, переживалась под знаком вечности. Что бы ни случилось с любимым объектом, исчезает ли он или переходит в область Дружбы, в любом случае я даже не замечаю, как он пропадает; кончившаяся любовь удаляется в иной мир наподобие космического корабля, переставшего давать сигналы; любимый человек откликнулся во мне с шумом, чуть ли не с грохотом, и вот он вдруг заглох (другой всегда исчезает не тогда и не так, как этого ждут). Это явление вызвано законом любовного дискурса: я (влюбившийся субъект) не могу сам выстроить до конца историю своей любви; я слагаю (излагаю) ее только в самом начале; конец этой истории, так же как моя собственная смерть, принадлежит другим; им писать о ней роман» [1, 339–340].

Итак, первое, с чем мы с вами сталкиваемся — это с вопросом о конечности Любви и насколько правомочно делать такую постановку вопроса.

Хотя, все же мы верим/хотим, чтоб любовь наша никогда не переставала, но по тем или иным моментам чувства наши охлаждаются, и мы уходим постепенно от Нее, а значит и от любимой личности. Вопрос, на наш взгляд, вернее ставить таким образом «Как происходит то, что мы уходим от любви, от предмета наших чувств?»

А происходит оно в принципе незаметно — то есть никто из близких, родных, а тем более коллег не знает, что я выясняю отношения с женой/девушкой... правда это может как-то внешне сказываться/отражаться — повышенной нервозностью, невниманием и т.п., но вряд ли кто-то будет думать, что это от того, что у меня не лады с моей любимой. Любовная история возникает незаметно, знают только участники интимного дискурса, это касается и конца (хотя, конечно, и не всегда). Также возможно, что история отношений, слов, дел, мыслей заканчивается, но чувств — нет. История — это то, что прошлое, любовь — же не уходит, человек — да. Он исчезает, переходит в другую плоскость отношений — дружбы, в разряд знакомых, приятелей и т.п.

Второе — Р. Барт пишет, что предмет моей любви может перейти в область дружбы.

Это напоминает мысль Стагирита в «Первой аналитике», что целью любви — есть дружба [См.:Analit.I 68b2-3]. Трудно найти человека, который в своей жизни не путал любовь с влюбленностью, симпатией, страстью, увлечением, дружбой и т.п. Мы всегда почему-то спешим к максимуму — к любви, а потом, когда мы приходим к «финишу», вроде бы к любви — понимаем, что это и не любовь. Тот же человек, о котором мы думали, что он смысл нашей жизни, все, что есть в этой мире — оказывается просто знакомым, другом, приятелем, а еще страшнее — вообще никем, «нулем».

Но, что интересно, что кем бы ни был тот человек, к которому мы испытывали самые пылкие и нежные чувства — он навсегда остается в памяти сердца и души, как бы ни пытались «стереть», «разбить», «потушить», «разрушить» его образ. Поэтому он словно «корабль-призрак»; когда мы с Вами плывем по житейскому морю, он (образ бывшей/бывшего) возникает случайно/не случайно перед нами. Я это говорю не «из пустословия», а общаясь с людьми, которые прожили по 50-80 лет, которые уже женаты давным-давно, с детьми, внуками и правнуками... Ведь верно поется в одной песни: «Как погасить о тебе воспоминания, это сильнее меня...»

Может это будет банальным, но всем нам известная фраза из фильмов/а у кого-то из жизненного опыта «давай, останемся друзьями» (а в итоге становятся приятелями, знакомыми или вовсе «разбегаются» каждый в свою сторону) и есть, пожалуй, наиболее четким отражением того, что пишет французский мыслитель.

Следующая и последняя мысль, которая имплицитно присутствует в данной цитате это то, что мы никогда не знаем, когда кончится история нашей любви.

Мы начинаем историю любви, но не заканчиваем, ставит точку всегда Другой. Да, мы можем сказать от «давай расстанемся», «у нас ничего с тобой не будет» и до «ты мне надоел(а)», «я не могу на тебя смотреть...» В любом случае:

*«Нам не дано предугадать.
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается.
Как нам дается благодать».*

Ф.Тютчев

Поэтому, любимая личность в ответ может сказать, что «я не хочу с тобой расставаться», «я буду тебя терпеть», «может, стерпится, слюбится» и т.д. Предмет любви, по слову В. Розанова, может отстаивать свою любовь когтями и руками, а любимый в ответ все отрицать. И тут опять мы видим схожесть дискурса любви на смерть. Да, все мы умираем, но нас хоронят, так и здесь — да, мы можем сказать, что между мной и тобой конец любви, но окончательно конец любви только тогда происходит, когда другой это подтверждает, и другой — это не друг/подруга, не близкий/знакомый мне или любимой моей личности, а сам предмет моей Любви. До этого — конец только для меня, для Другого — история его чувств к предмету любви может и продолжаться.

Г.И. Иванченко выводит девять основных этапов того каким образом происходит окончание дискурса любви:

1. Уходит — почти всегда неожиданно, как внезапный приступ болезни или, напротив, выздоровление — накал чувств, жжение, напряжение, то, что мы ранее назвали тапасом. Как в полночь на электронных часах после цифр 23:59 вдруг появляются четыре

нуля. Это оцепенение, обледеневание, остывание нередко кажется инициированным тем, кого мы любили и кого, пожалуй еще любим («Жить приучил в самом огне, / Сам бросил в степь заледенелую...»). Необратимость этого процесса нам еще предстоит осознать на следующих этапах умирания; первые же признаки порой нас радуют, а не тревожат. Мы слишком устали «жить в самом огне и порой испытываем облегчение, убеждаясь, что музыка и стихи, от которых совсем недавно комок в горле грозил выплеснуться слезами, воспринимаются легко, отстраненно. Не «души смотрят с высоты на ими брошенное тело» (Ф. Тютчев), а, напротив, душа истончилась и спряталась между букв и звуков.

2. Исчезает ревность — как чувство, предполагающее немалую вовлеченность, захваченность, увлеченность. «Холодная ревность», может быть, и невозможно; но уходящая остывающая, как вулканическая лава, возникает и усиливает твое отчуждение от самого себя. Раньше ты и был своей ревностью, настолько ее мысли и поступки были нераздельны с тобой; теперь ты смотришь на них снисходительно и все более равнодушно.

3. Отлетает направленность в будущее. Мы уже покорились времени, мы не подталкиваем события, не задыхаемся в предвосхищении и предвкушении. Никакие новые планы, фразы, намерения не всплывают как бы сами собой; нам нужно усилие, чтобы заглянуть в будущее, совсем недавно открытое нам как «настоящее» вечности.

4. Отсутствие связи с будущим трансформирует нашу связанность в настоящем. Иногда опустошение нашего совместного бытия-в-любви легко проследить: свидания сменяются разговорами по телефону, те в свою очередь сменяются редкими SMS-посланиями; как шагреновая кожа, сжимается твое присутствие в моем бытии. Это твое присутствие еще не может быть замещено ничьим другим, только холодом и полумраком тумана обволакивается долина нашего совместного бытия.

5. Твои попытки оттолкнуть или вернуть меня ничего уже не меняют в моем отношении к тебе. Моя зависимость, пятая оболочка души, истончилась до легкой обременительности привычки.

6. Уходит моя способность к удивлению, неистощимому и непрестанному, как чуду твоего бытия, в его постоянной явленности мне. Под конец меня даже не удивляет, что меня ничего не удивляет. Это похоже на то, что пишет Ю. Кристева в работе «Дискурс любви»: «современный дискурс любви пытается разом высказать и идеализацию, и ошеломление, присущие любовному чувству: возвышенное есть то, что не является ни объектом, ни субъектом, это тот ни-объект, ни-субъект, который мы назвали «гнусностью». Эротический фантазм, совпадая с философской медитацией, доходит до того горнила, где возвышенное и гнусное, это основание любви, сплавляются в единой «зарнице». [7, с.105].

7. Исчезает, трансформируется на глазах моя юность. Только что я была полна надежд, планов, сил, страстей, и вот от них остается одна тень, или даже: передо мной не красавица-любовь, а ее скелет и череп, как на литографиях XVIII века. Касательно этого известный словенский мыслитель С. Жижек в работе «Превратности любви» пишет: «В основе этой ситуации лежит парадокс, что любовь как Абсолют не может выступать непосредственной целью: она должна существовать в статусе «побочного продукта», быть чем-то вроде незаслуженной милости» [3, с.342].

8. Обычно немалое время пролегалает между исчезновением седьмой и восьмой оболочек, но вот этот день приходит, день, когда ты не можешь припомнить даты и обстоятельства, слова и взгляды. Если уход любви сопровождается обидой и ожесточением — забвение кажется нам ледяной преградой между нами и прошлым; если мы примирились с утратой, все медленно погружается в воды забвения или растворяется вдали:

*«А будут дни — угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль»*

И. Бунин

9. И наконец, с последней из оболочек наша душа расстается, когда мы вдруг узнаем или видим, что наш любимый болен, несчастен, устал; то просто человеческое участие, «та грустная земная жалость», которую ты ощущаешь, яснее чего бы то ни было показывает

тебе всю полноту твоей утраты и твоего выздоровления, что одно и то же. В этой связи уместной есть мысль В. Малахова в его книге «По сю сторону ясности»: «если неясно тебе, подлинно ли ты любишь, спроси себя — учит ли тебя твоя любовь доброте? Чуткости к боли тех, кто тебя окружает? Вот все и поймешь» [8, с.77]. «Человеческое, слишком человеческое» сочувствие как ничто иное далеко от божественного всемогущества, когда все происходившее с любимым мы подсознательно трактовали как результат нашей любовной магии, нашего всемогущества. Наши ревнивые мысли могли вызвать его болезнь и усталость; наше переживание разлуки могло обострить у него те же чувства; наше счастье волной могло плеснуться к нему. Но теперь это невозможно и представить» [6, с. 121 — 124].

Таким образом, проанализировав философский взгляд на проблему конечности дискурса любви, можно сделать следующие выводы:

1) Философская мысль усматривает две основные причины возможности конечности дискурса любви: индивидуальная (ситуация, когда «встретил не “свое”», ситуация «необратимости/непоправимости» в отношениях любящих) и социальная (противопоставление любящих обществу). Причем для любящих эти две причины могут стать таковыми, как одиночно, так и совместно.

2) Процесс конечности дискурса любви, согласно современной философской мысли, довольно длительный; связан с такими коннотациями как «удушье», «лед», «пар». Особо остро проявляется он в разноморода проявлений безобразного, а именно жестокости, «гнусности», подлости, желания зла тому, кого мы любили.

Література:

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного / Р. Барт / Пер. с франц. — М.: Ad Marginem, 1999. — 432 с.
2. Грякалов А. А. Дискурс любви и этос / А.А. Грякалов / Homo philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Серия «Мыслители», выпуск 12. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. — С.295–302.
3. Жижек С. Превратности любви / С. Жижек. Устройство разрыва. Параллаксное видение. — М.: «Европа», 2008. — С. 337–344.
4. Зубец. О.П. Любовь в зеркале морали / О.П. Зубец / Размышления о любви — М.: Знание, 1989. — С. 3 — 18.
5. Иванченко Г.И. Космос любви: по ту сторону покоя и воли / Г.И. Иванченко— М.: Смысл, 2009. — 160 с.
6. Иванченко Г.И. Логос любви / Г.И. Иванченко — М.: Смысл, 2007 — 143 с.
7. Кристева Ю. Дискурс любви / Ю. Кристева // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. — СПб.: Мифрил, 1994. — С. 103–109.
8. Малахов В.А. По сю сторону ясности. Заметки. Размышления. Сновидения / В.А. Малахов. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — 200 с.
9. Нембрини Ф. Данте. Поэт желания. Комментарии к «Божественной комедии». Ад. / Ф. Нембрини / Пер. с итал. — К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2014. — 258 с.
10. Нелас П. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии / П. Нелас / Пер. с новогреч. Н.Б. Ларионовой. — М.: Никея, 2011. — 300 с.
11. Ползунова М.В. «Объяснение в любви» как сложный речевой жанр: лексика, грамматика, прагматика: дисс. канд. филолог. наук: 10.02.19. — Екатеринбург, 2008. — 230 с.
12. Руденко А.М. Философско-антропологическая экспликация феномена любви: от классики до постмодерна: Рук. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / - Ростов-на-Дону, 2007. — 167 с. / Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/filosofsko-antropologicheskaya-eksplikatsiya-fenomena-lyubvi-ot-klassiki-do-postmoderna>
13. Чекалов К. Задолго до Ролана Барта или Влюбленные в дискурс / К. Чекалов // Апокриф. Культурологический журнал. Гл. ред. А. Махов. №3 — С. 27–32.
14. Шапинская Е.Н. Отношение любви как социокультурная универсалия и его актуализация в литературном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / Рос. ин-т культурологии. — М., 1997. — 44 с / Электронный ресурс / Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/otnoshenie-lyubvi-kak-sotsiokulturnaya-universalija-i-ego-aktualizatsiya-v-literaturnom-disk>.
15. Эпштейн М.Н. Четыре слагаемых любви / М.Н. Эпштейн // Человек — 2006 - № 2 — С. 82 — 96.

В.Е. Туренко. До питання про кінченість дискурсу любові: філософський аспект

У статті на основі сучасних наукових студій аналізується питання про кінцівку дискурсу любові. Автор виводить дві основні причини можливості кінцівки дискурсу любові, детально розглядається філософський контекст протікання та наслідків кінця любовного дискурсу. Разом з тим підкреслюється, що кінцівку має тільки дискурс, тоді як сама любов онтологічно нескінченна.

Ключові слова: любов, людина, життя, кінченість, бескінченність.

V. Turenko. On the finiteness of the discourse of love: a philosophical context

This article examines one of the least explored topics in philosophical discourse - the question of the finiteness of love discourse.

First of all, the author on the basis of modern studios in philology and philosophy of love takes the concept of "discourse of love." He emphasizes that the discourse of love - a phenomenon not limited to XX-XXI centuries., and applies to any period in the history of mankind.

Author answering the question "Why is the end of the discourse of love" takes two main reasons: social and individual. Private cause of limb discourse of love is seen in irreversible / irreparable varying situations, that we have not learned all the "labor of love" that is not sustained, it is not easy (from the fact that you can really suffer, to forgive and not to indulge). Emphasizes that social cause separations, limb discourse of love is associated primarily with the romantic culture of love. Love relationship, often associated with the opposition society, environment-loving, down to the family, relatives and friends.

In analyzing the question of "How is the end of a love discourse" emphasizes that it is, according to modern philosophical thought, a rather long; connotations associated with such as "choking", "ice", "steam". Particularly acute in it in a special kind of ugly manifestations, namely cruelty, "infamy", meanness, evil desires to someone we loved.

Keywords: love, human, life, finiteness, infinity.

УДК 37.01:355 [355.27+355.422]+140

В.В. Федоренко, здобувач кафедри філософії
Житомирського державного університету імені Івана Франка,
старший офіцер відділення виявлення злочинів
та інших правопорушень Західного ТУ ВСП

ОСОБЛИВОСТІ ВІЙСЬКОВО-ПРАВОВОГО ВИХОВАННЯ ВІЙСЬКОВОСЛУЖБОВЦІВ В УМОВАХ ПРОВЕДЕННЯ АНТИТЕРОРИСТИЧНОЇ ОПЕРАЦІЇ

У статті запропоновано філософсько-соціологічний аналіз особливостей військово-правового виховання військовослужбовців Збройних Сил України в умовах проведення антитерористичної операції. Особлива увага зосереджена на розгляді основних факторів, які виступають в якості детермінант військово-правового виховання і обумовлюють особливості його організації в умовах АТО. Робиться висновок, що врахування цих особливостей суб'єктами виховання значно підвищить ефективність військово-правового виховання.

Ключові слова: тероризм, гібридна війна, антитерористична операція, підривні соціальні технології, соціальна структура, соціальні групи, міжнародне гуманітарне право, військова дисципліна, правопорядок.

Проведення антитерористичної операції в Донецькій та Луганській областях засвідчило, що Україна, на жаль, не була готова своєчасно відреагувати на виклики гібридної війни – це мало негативні наслідки у вигляді втрати Криму та недопущення сепаратистських анклавів на Донбасі. Останні події в Україні продемонстрували значні прогалини в українському війську, зокрема в організації системної роботи з військово-правового виховання військовослужбовців та становлення і функціонування соціально-психологічної служби.

Проведення антитерористичної операції засвідчило існування низки проблем як теоретичного, так і практичного характеру, пов'язаних з особливостями військово-правового виховання військовослужбовців в умовах АТО, які потребують своєчасного їх вирішення.